

Александр Скабичевский

Александр Грибоедов. Его жизнь и литературная деятельность

Жизнь замечательных людей

Александр Скабичевский

**Александр Грибоедов.
Его жизнь и литературная
деятельность**

«Public Domain»

Скабичевский А. М.

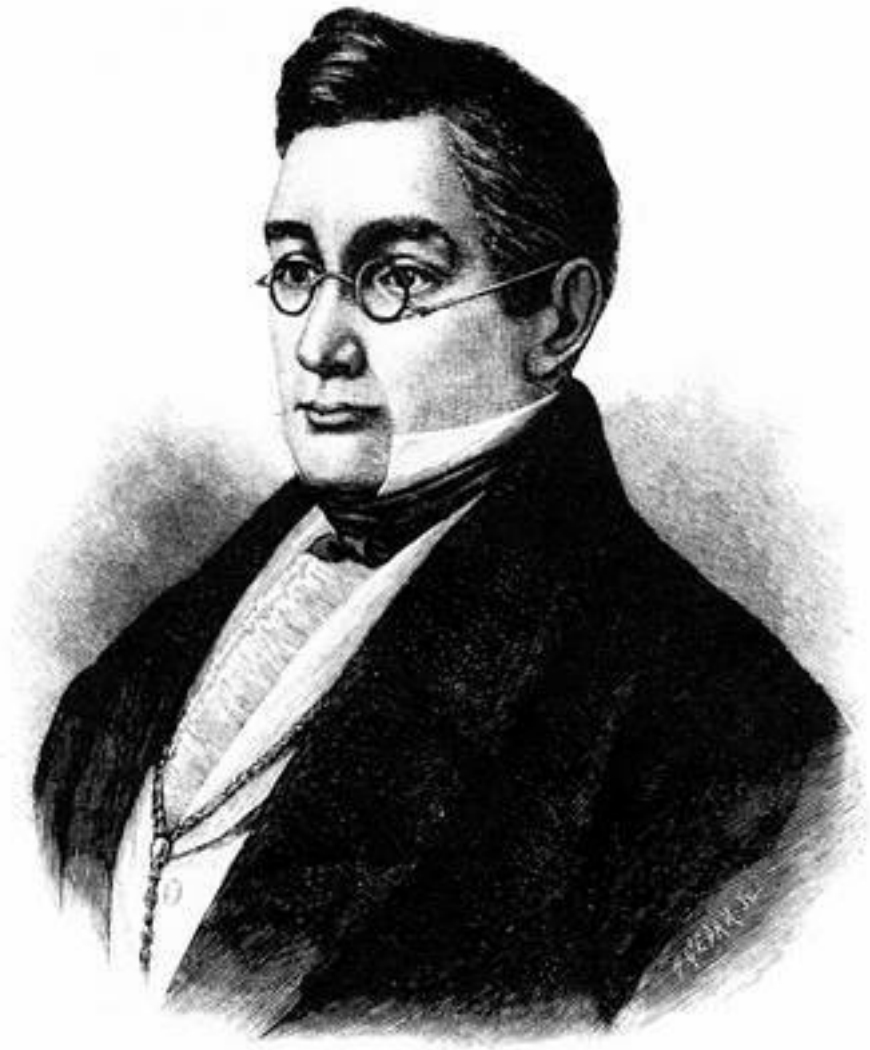
Александр Грибоедов. Его жизнь и литературная деятельность / А. М. Скабичевский — «Public Domain», — (Жизнь замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы - профессия.

Содержание

Глава I	6
Глава II	17
Глава III	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

А. М. Скабичевский
Александр Грибоедов. Его жизнь
и литературная деятельность
Биографический очерк
С портретом Грибоедова,
гравированным Геданом

Глава I

Предки и родители А. С. Грибоедова. – Среда, в которой он детство. – Влияние общества и семьи на склад его характера. – Домашнее образование Грибоедова и пребывание в Московском университете. – Влияние профессора Буле. – Первые литературные опыты

Родители Александра Сергеевича Грибоедова, как отец, так и мать, оба по происхождению Грибоедовы, принадлежали к одному и тому же старому дворянскому роду, вышедшему из Польши. Из старинных грамот видно, что царь Михаил Федорович наградил Михаила Ефимовича Грибоедова *«за ево многия службы»* царю Василию Ивановичу (Шуйскому), совершенные *«во нужное и во прискорбное время»*. Цари же Алексей Михайлович и Федор Алексеевич отличали Федора Ивановича Грибоедова, сына Яна Грымбовского, вызванного из Польши как сведущего законника для составления уложения.

Сергей Иванович, отец Александра Сергеевича, сын Ивана Федоровича, секунд-майор в отставке, был по всем данным личностью совершенно ничтожною, не имел голоса в семье, подчинялся во всем полновластной супруге и не играл поэтому никакой роли в жизни своего знаменитого сына. Неизвестно, где он получил образование, где служил, когда умер. Мы знаем только, что он не дожил до смерти сына. Мать же Александра Сергеевича, Настасья Федоровна, умерла в 1839 году, неутешно оплакивая до самой своей кончины нежно любимого сына.

А.С. Грибоедов родился в Москве 4 января 1795 года.

Московская улица. Гравюра Ф. Дюренфельда, конец XVIII в.

Еще и теперь сохраняется дом, где он родился и провел детство, на углу Новинского и Большого Девятинского переулков, фасадом на две улицы, двухэтажный, нижний этаж каменный, верхний – деревянный, оштукатуренный. В этом доме и проживало семейство Грибоедовых, имевшее кроме сына Александра дочь Марию, отличавшуюся замечательными музыкальными способностями, бывшую впоследствии замужем за Дурново. Квартал, в котором находился дом Грибоедовых, был своего рода московским Сен-Жерменским предместьем. Еще и теперь в этом квартале больше, чем где бы то ни было в Москве, барских домов-особняков, со старинными фасадами, фронтонами и львами на воротах, окруженных многочисленными службами. Здесь в старину было сосредоточие московского бомонда, старых столбовых дворянских семей, составлявших особый замкнутый мир, связанный узами родства, дружбы, лукулловских пиршеств, безумного мотовства и одуряющих сплетен. Нравы этой среды представляли ряд поразительных противоречий: здесь мирно уживалась надменная дворянская гордость и не знавшая пределов спесь рядом с подобострастным искательством и азиатским пресмыкательством. Нигде не замечался в такой степени, как здесь, «нечистый дух пустого, рабского, сонного подражания», и нигде так беззаветно «не отдавали все в обмен на новый лад, и нравы, и язык, и старину святую». Но это не мешало господствовать здесь самому упорному староверству, ужасавшемуся малейших отступлений от принятого. Все было сковано тупым коснением в родовых барских традициях, ненарушимых обычаях и приличиях, строгом местничестве и чинопочитании, наконец, в тех самых старых предрассудках, о которых Чацкий вопиет: «Порадуйтесь, не истребят ни годы их, ни моры, ни пожары!..»

В этой замкнутой среде были свои жрецы и хранители великосветского культа, те самые княгини Марьи Алексеевны, строгих приговоров которых боялись даже убежденные сединою и заслуженные Фамусовы. К числу таких законодательниц московского бомонда принадлежала и мать Грибоедова, Настасья Федоровна. Это была женщина заносчивая, тяжелого характера, всех в доме подчинявшая своей властной воле. Дворянская гордость ее тем более была беспредельна, что, не говоря уже о древности рода самих Грибоедовых, семья имела такую знатную родню, как князья Одоевские, Нарышкины, Римские-Корсаковы, графы Разумовские. Двоюродная же сестра Александра Сергеевича, Елизавета Алексеевна, была замужем за князем Варшавским, графом Паскевичем-Эриванским. Такое родство заставляло Настасью Федоровну всю жизнь – и свою собственную, и домочадцев – посвящать сохранению достоинства рода Грибоедовых. Оракулом для нее в этом отношении был брат ее Алексей Федорович Грибоедов, которого она считала образцовым представителем высшего общества и великим знатоком света и людей. Ничего не делала она без его совета, и слово его было для нее законом. Он предписывал и ей, и ее детям строгий режим светской жизни: с какими людьми знаться, каких избегать, каким сильным мира, которые могут пригодиться, делать визиты, кого приглашать или не приглашать на вечера, и т. п.

**Москва. Дом, где Грибоедов жил в
детские годы (ныне – Остоженка, 34)**

Под гнетом этих двух непреклонных хранителей великосветских традиций и приличий нерадостную пришлось вести Грибоедову в родительском доме жизнь – жизнь, развившую в нем ту меланхолию и нервную раздражительность, которые он впоследствии обнаруживал. Пока еще тянулись золотые дни нежного детства, никто не мешал ему с сестрою «являться и исчезать тут и там, играть и шуметь по стульям и столам», но с годами все более и более тяготела над юношей светская дрессировка. Каждый шаг его, все повседневное поведение были подвержены строгому контролю и заключены в тесные рамки порядочности; вся будущая карьера была заранее предусмотрена и предопределена, дабы последняя отрасль древнего дворянского рода вполне поддержала достоинство его. А за матерью и дядей стояли сплоченные ряды родных и друзей, которые в свою очередь единодушно восставали против любого мало-мальски самостоятельного шага молодого человека и подавляли каждый смелый молодой порыв его. Все это с годами более и более раздражало и ожесточало богато одаренного Александра Сергеевича, и наконец он обрушил на все московское общество беспощадную месть свою в виде бессмертной комедии, которая являлась, таким образом, не досужим измышлением художественной фантазии, а кровным делом всей жизни.

Более же всех ожесточил Грибоедова дядя, которого изобразил он в лице Фамусова. По рассказу С.Н. Бегичева, Грибоедов, как только замечал, что дядя въезжал к ним во двор, чтобы вести его на поклон к какому-нибудь князю Петру Ильичу, раздевался и ложился в постель. «Пойдем», – приставал дядя. «Не могу, дядюшка, то болит, другое болит, ночь не спал», – хитрил Грибоедов.

Вот в каком виде представляет он своего дядю в одном оставшемся после него черновом наброске:

«Вот характер, который почти исчез в наше время, но двадцать лет тому назад был господствующий, – характер моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего в тогдаш-

нем поколении развита была повсюду какая-то смесь пороков и любезности; извне – рыцарство в нравах, а в сердцах – отсутствие всякого чувства. Тогда уже многие дуэлировались, но всякий пылал непреодолимой страстью обманывать женщин в любви, мужчин – в карты или иначе; на службе начальник уловлял подчиненного в разные подлости обещаниями, которых не мог исполнить, покровительством, не основанным ни на какой истине; но зато как и платили их светлостям мелкие чиновники, верные рабы-спутники до первого затмения. Объяснимся круглее: у всякого была в душе бесчестность и лживость на языке. Кажется, ныне этого нет, а может быть и есть, но дядя мой принадлежит к той эпохе. Он, как лев, дрался с турками при Суворове, но потом пресмыкался в передних всех случайных людей в Петербурге, в отставке жил сплетнями. Образец его нравов: „Я, брат...“.

До какой степени сильно переживал Грибоедов семейный гнет, мы можем судить из того, что впоследствии, обретя свободу вполне самостоятельной жизни, Грибоедов в письмах к друзьям не перестает при всяком удобном случае протестовать против семейного деспотизма. Так, в письме к Бегичеву из Петербурга, от ноября 1816 года, он замечает: «Неужели заводчика корчишь? Перед кем скажи, пожалуй? У тебя нет матери, которой ты обязан казаться основательным: будь таким, каков есть». В письме же к князю Одоевскому из Киева, от 10 июня 1825 года (то есть когда ему было уже 30 лет), он пишет: «Верстовского обними за меня; здесь я узнал, что отец его перебрался на житье в Москву; что же, от этого лучше или хуже для музыки? Я почти уверен, что истинный художник должен быть человек безродный. Прекрасно быть опорой отцу и матери в важных случаях жизни, но внимание к их требованиям, часто мелочным и нелепым, стесняет живое, свободное, смелое дарование. Как ты об этом думаешь?»

Всего ужаснее, что в продолжение всей жизни он не мог, видимо, избавиться от семейной опеки и ей, как увидим ниже, был обязан своей преждевременной и ужасной смертью.

Первоначальное образование Грибоедов получил, как это водилось в то время во всех великосветских барских семьях, домашнее, под надзором иностранных гувернеров. Первым из них был Петрозилиус, человек ученый, впоследствии издавший обстоятельный каталог московской университетской библиотеки. В свое педагогическое ремесло он вносил слишком уж много педантизма, который оттолкнул от него живого и пытливого воспитанника. Петрозилиуса сменил Богдан Иванович Ион, прекрасный воспитатель, ставший со временем другом и советчиком Грибоедова. Каждый раз, когда последний приезжал в Москву, он первым делом искал увидеться с Ионом и его же избрал в секунданты для предполагавшейся дуэли с Якубовичем. После смерти Грибоедова старик Ион любил сходиться с другом покойного Бегичевым, вспоминать добрые старые дни, и при этом слезы показывались на глазах собеседников.

Под общим руководством Иона, по специальности юриста, обладавшего основательным знанием классических языков, мальчик обучался дома у разных преподавателей, по видимому, очень хороших, между которыми были профессора университета. Так, например, Иоганн Теофил Буле преподавал Грибоедову философские и политические науки. Рано овладел юноша несколькими иностранными языками и начал изучать древних и новых классиков; вместе с тем приобрел он навык к усидчивым ученым исследованиям, поражающим в его записных тетрадях и свидетельствующим, что из него мог выработаться серьезный ученый.

Н.В. Сушков, соученик Грибоедова по Благородному пансиону, поэт. Гравюра А. Муратова, 1852

Между прочим дом Грибоедовых славился своими музыкальными вечерами; здесь можно было слышать серьезную музыку в исполнении лучших московских артистов. Это содействовало развитию музыкального вкуса в детях, и они уже в детстве сделались хорошими пианистами. Музыка в продолжение всей жизни была любимейшим наслаждением Грибоедова. Войдя в кружок молодых русских музыкантов: Алябьева, Верстовского и других, — он овладел впоследствии под руководством петербургского профессора гармонии Иоганна Миллера теорией музыки и сделался знатоком ее законов. Не ограничиваясь одним исполнением чужих пьес, Грибоедов по целым часам увлекал окружающих своими дивными импровизациями.

**Джон Фильд, композитор и пианист, учитель музыки
Грибоедова и его сестры. Гравюра А. Янова, 1800-е гг.**

А.А. Алябьев, композитор. Неизвестный художник, 1830-е гг.

Закончив домашнее обучение в 1810 году, в 15 лет, он был помещен в Московский университет на этико-политический факультет для приобретения кандидатского диплома в видах более успешной служебной карьеры. А чтобы оградить юношу от дурного общества товарищей, не принадлежавших к избранному кругу, Грибоедов был определен вольнослушателем и ходил в университет не иначе, как с гувернером.

Московский университет того времени далеко еще не находился в таком блестящем состоянии, как в тридцатые и сороковые годы, но в нем было несколько достойных специалистов, ветеранов западной науки, верных преданиям просветительного века. Таковыми являлись, кроме вышеупомянутого Буле, Гейм, Рейнгард, Шлёцер, из русских – Сохацкий, Снегирев, Спешнев, Страхов. Профессора называли студентов друзьями, принимали их у себя на дому, входили во все мелочи их жизни и помогали чем могли. Страхов на Святках руководил студенческими спектаклями, и очень возможно, что этим спектаклям был обязан Грибоедов пламенной любовью к театру, которая не охладела в продолжение всей его жизни и определила форму его литературной деятельности.

**А.Ф.Мерзляков, профессор российской поэзии
и красноречия Московского университета.
Гравюра К.Я. Афанасьева, первая четверть XIX в.**

**М.Т. Каченовский, профессор русской истории
Московского университета. Гравюра Г. Грачева**

**И.А. Гейм, профессор древностей, словесности и
истории Московского университета. Гравюра А. Флерова
с оригинала И.И. Жерена, первая четверть XIX в.**

О своем пребывании в университете Грибоедов всю жизнь сохранял самые отрадные воспоминания, и следы влияния многих профессоров долго сказывались в нем. В это время полюбил он изучение русской истории и познакомился со статистикой и политической экономией, что отразилось впоследствии на заботах Грибоедова о составлении статистических таблиц и описаний Кавказа. Более же всего сознавал себя обязанным Грибоедов Буле, влияние которого на юношу было тем более сильно, что он давал ему уроки еще до университета. Пользуясь почетной ученой репутацией на Западе, где он был профессором в Геттингене, Буле в Москве, не ограничиваясь университетским преподаванием, читал публичные лекции, курсы философии, устраивал у себя на дому на немецкий лад *privatissimi*¹ и, сверх того, выпускал несколько периодических изданий, между прочим «Журнал изящных искусств».

¹ здесь: частные занятия с небольшой группой студентов (*лат.*).

Поклонник Аристотеля, он любил в своих рассуждениях трактовать о сущности и основах драмы, давая Грибоедову возможность теоретического изучения этого рода поэзии, к которому юноша чувствовал склонность. Особенно же предпочитал Буле комедию и целое сочинение посвятил душевной веселости и средствам поддерживать и развивать ее. Как истый ложноклассик образцы искал он в классических литературах, и Грибоедов вслед за ним с любовью относился к древним комикам, особенно к Плавту. Ложноклассическая закваска, приобретенная под влиянием Буле, сказывалась впоследствии не только на литературных взглядах и пристрастиях Грибоедова, но заметна и в самой комедии «Горе от ума», в которой строго соблюдены автором все три единства: действие ее сосредоточивается в одном месте (дом Фамусова) и совершается в течение одних суток, начинаясь появлением Чацкого в доме Фамусова рано утром и кончаясь разъездом после бала поздним вечером.

Университетские годы – время первых литературных опытов Грибоедова. Нередко читал он своим товарищам стихи собственного сочинения, большей частью сатиры и эпиграммы. Однажды же, в начале 1812 года, он прочел своему воспитателю Иону и одному из товарищей отрывки из комедии, и, по словам слушателей его, это были уже первые наброски комедии «Горе от ума». Недружелюбно были встречены матерью Грибоедова его первые литературные опыты. Она, конечно, боялась, что увлечение литературой оттолкнет юношу от предначертанной карьеры, звание же литератора и стихотворца представлялось чем-то крайне унижительным с точки зрения московского великосветского кодекса. Но не только в университетские годы, а и впоследствии мать Грибоедова не иначе как с презрением отзывалась о литературных занятиях сына и срамила его в присутствии посторонних. Так, в письме к Бегичеву из Воронежа, от 18 сентября 1818 года, Грибоедов между прочим пишет: «В Петербурге я по крайней мере имею несколько таких людей, которые, не знаю, настолько ли меня ценят, сколько, я думаю, этого стою, но по крайней мере судят обо мне и смотрят с той стороны, с которой хочу, чтобы на меня смотрели. В Москве совсем другое: спроси у Жандра, как однажды за ужином матушка с презрением говорила о моих стихотворных занятиях и еще заметила во мне зависть, свойственную мелким писателям, оттого, что я не восхищаюсь Кокошкиным и ему подобными...»

Глава II

Поступление в ополчение и гусарский полк. – Кутежи и шалости. – Дружба с С.Н. Бегичевым и ее благотворное влияние. – Комедия «Молодые супруги». – Приезд Грибоедова в Петербург и отставка. – Успехи в свете. – Физические, умственные и нравственные качества Грибоедова. – Литературные знакомства. – Сценическая деятельность. – Poleмика. – Мировоззрение Грибоедова. – План драмы из 1812 года. – Наброски комедии «Горе от ума»

Война 1812 года, создавшая полный удали, отваги, предприимчивости и жажды сильных ощущений тип людей двадцатых годов, немало содействовала эмансипации от семейной опеки молодых людей великосветских слоев общества. Священная обязанность защищать отечество избавляла их от необходимости против воли, по принуждению старших гнуть шею перед разными милостивцами и глотать канцелярскую пыль ради устройства карьеры, а главное, выводила из родного гнезда на простор самостоятельной жизни.

К числу таких юношей принадлежал и Грибоедов. Двух лет слушания университетских лекций было достаточно, чтобы выдержать экзамен на кандидата с правом на чин двенадцатого класса. Когда же правительство обратилось к студентам Московского университета с призывом вступать в ополчение, Грибоедов не мог не увлечься общим патриотическим одушевлением. Впрочем, и тут сказалось влияние его родных: не в простое, серое ополчение поступил он, а корнетом в один из полков, формировавшихся в то время аристократами, именно в гусарский полк графа Салтыкова. Это было 26 июля. Полк собирался и снаряжался крайне медленно, а за смертью Салтыкова был совсем распущен.

**Н.И. Толстой, сослуживец Грибоедова по
Московскому полку. Неизвестный художник. 1820-е гг.**

Но раз роковой шаг был сделан, Грибоедов не хотел уже более возвращаться под ферулу матери и дяди и 7 декабря поступил в Иркутский гусарский полк, стоявший в составе резервного кавалерийского корпуса первоначально в Могилеве, потом в Слониме и наконец в Бресте. Здесь служил он под начальством А.С. Кологривова.

После каждого чрезмерного стеснения следует реакция некоторой необузданности. Естественно, что и у молодого семнадцатилетнего гусара закружилась голова, когда он почувствовал, что ни перед кем уже не обязан надевать личину степенности и основательности. Этим и объясняется то обстоятельство, что, бросившись со всем пылом первой юности в гусарские кутежи и прочие шумные развлечения и излишества, Грибоедов старался превзойти товарищей в подчас не совсем благовидных проказах и шалостях, которыми отличались гусары того времени. Так, однажды он въехал верхом во второй этаж дома на бал. В другой раз в Бресте он взобрался на хоры католического костела перед самым началом службы. Ноты перед органом были раскрыты. Собрались монахи, началась служба. Когда потребовалась по ходу службы музыка, Грибоедов заиграл и играл долго и отлично. Вдруг священные звуки смолкли и с хоров раздался, к ужасу и смущению всех молящихся, «камаринский».

Но этот кризис продолжался недолго. Грибоедов имел слишком даровитую и глубокую натуру, чтобы гусарские кутежи и шалости могли долго занимать его и составлять все содержание его жизни. К тому же судьба послала ему друга в лице адъютанта генерала Кологривова.

вова, Степана Никитича Бегичева. Грибоедов нашел в нем умного, приятного собеседника и руководителя, который, подчинив юношу своему благотворному влиянию, сумел и остепенить его, и разбудить в нем все лучшие качества его души. По крайней мере, вот что сам Грибоедов говорит о влиянии своего друга в письме от 18 сентября 1818 года:

«Ты, мой друг, поселил во мне или, лучше сказать, развернул свойства, любовь к добру, и с тех пор только я начал дорожить честностью и всем, что составляет истинную красоту души, с того времени, как с тобою познакомился, и – ей Богу! – когда с тобою несколько побываю вместе, становлюсь нравственно лучше, добрее».

Нет ничего удивительного в том, что Грибоедов в продолжение всей жизни питал к Бегичеву самые нежные чувства. Под влиянием друга он начинает смотреть иными глазами на все его окружавшее; товарищей-собутыльников, которых прежде Грибоедов старался превзойти во всех их излишествах, теперь он называет уже «казарменными готтентотами»; жизнь среди них делается ему невыносима. Он снова принимается за прерванные литературные занятия, и в 1814 году впервые появляются в печати, на страницах «Вестника Европы», две его статьи: «О кавалерийских резервах» и «О празднике, данном генералу Кологривову его офицерами». В описании праздника помещены были и стихи патристического содержания. Пир, судя по описанию, был гомерический и обошелся учредителям в 10 тысяч рублей ассигнациями; причем надо отдать справедливость великодушию разгулявшихся гусаров: они не забыли собрать при этом тысячу рублей для раздачи бедным, пострадавшим при пожаре Москвы, и деньги эти Грибоедов при своей статье препроводил от лица всех товарищей в редакцию «Вестника Европы».

В том же 1814 году Грибоедов познакомился с князем Александром Александровичем Шаховским, который тоже служил в военной службе. Беседы с этим любителем и знатоком сцены вновь пробудили в Грибоедове страсть к театру, и он решился испытать свои силы на поприще драматургии. Среди немногочисленных служебных занятий, оставлявших ему много свободного времени, перевел он с французского стихами, переделав ее и дав ей заглавие «Молодые супруги», небольшую комедию Лессера «*Le secret du menage*». Комедия была переведена теми тяжелыми, шероховатыми шестистопными ямбами, какими писались у нас трагедии в XVIII и начале XIX веков и которые ничем не напоминали легкого разговорного стиха «Горя от ума». От самих имен действующих лиц: Арист, Эльмира, Сафир, – веет на нас ложноклассическим архаизмом.

Как нельзя более естественно, что после совершившегося с Грибоедовым переворота и пребывание в Бресте, и гусарское общество, и военная служба сделались невыносимыми для молодого человека. В 1815 году он, взяв отпуск, приехал в Петербург, а 25 марта 1816 года и совсем вышел в отставку.

Россия в этот момент только что успела опомниться от многолетних войн и ликования, гордясь ролью освободительницы Европы. Во всех слоях общества чувствовался сильный подъем духа, и особенно было оживлено петербургское великосветское общество. Оно представляло тогда средоточие умственной жизни страны, и наиболее в этом отношении отличалась гвардейская молодежь, которая, утомясь многолетними тяжкими походами и в то же время воодушевленная яркими впечатлениями, вынесенными из созерцания западноевропейской жизни, с усердием принялась за разработку общественных и литературных вопросов, причем особенно притягивала ее тогда драматическая сцена. Многие гвардейские офицеры писали и переводили для театра и принимали горячее участие во всем, что совершалось как за кулисами, так и на сцене. По вечерам собирались приятельские кружки, в которых читались произведения лучших драматургов, русских и иностранных, и велись горячие споры о сценическом искусстве, игре актеров и т. п. Таков был кружок Павла Александровича Катенина, мнениями которого как тонкого и опытного знатока дорожили начинающие авторы, наперерыв читавшие ему первые свои произведения. Другой театральный кружок

сосредоточивался вокруг А.А. Шаховского, покровителя сценических талантов, обогащавшего сцену своими переводами и переделками в соответствии с русскими нравами французских пьес. Кружок этот состоял преимущественно из престарелых классиков, относившихся к молодежи свысока, с покровительственной улыбкой. Друзья и приятели Шаховского не чуждались закулисных интриг и в суждениях своих, особенно об актрисах, не могли похвастаться беспристрастием. Приехав в Петербург, Грибоедов со всем пылом двадцатилетнего юноши бросился в вихрь светской жизни и всевозможных столичных развлечений. В значительной степени обузданный Бегичевым в Бресте, он все-таки порою увлекался бешеным повесничеством, например однажды в театре начал аплодировать по лысине впереди сидевшего соседа. Подобное поведение обеспечивало ему успех среди женщин и великосветских, и сценических, и романические приключения в это время у него не переводились. Впрочем, не одной репутации отчаянного шалуна и дуэлиста был обязан он этим успехом, а также и своими качествами, как внешними, так и внутренними. Приятная, выразительная наружность соединялась в нем с изяществом манер, ловкостью, умением мастерски ездить верхом, замечательно метко стрелять из пистолета. Свободно изъяснявшийся на четырех языках, всесторонне образованный, Грибоедов мог поддержать разговор, каких бы он ни касался вопросов: научных, художественных, политических. Мы уже имели случай говорить о его музыкальных импровизациях, увлекавших общество до самозабвения. Любезность, остроумие, искренность его обаятельно действовали на всех друзей и знакомых. Бее современники отзываются о нем не иначе как с восторгом. «Его нельзя было любить иначе, – свидетельствует Булгарин, – как страстно, с энтузиазмом, потому что пламенная душа его согревала и воспламеняла все вокруг себя. С Грибоедовым благородный человек делался лучше, благороднее; его привязанность к другу, внимание, искренность, светлые мысли, высокие чувства переливались в душу и зарождали ощущение новой, сладостной жизни. Его голос, взгляд, улыбка, приемы имели какую-то необыкновенную прелесть; звук голоса его проникал в душу, убеждение лилось из уст...»

Почти то же самое говорит К.А. Полевой:

«Красноречие А.С. Грибоедова, всегда пламенное, было убедительно потому, что основывалось на здравом смысле и глубокой учености. Трудно было не согласиться с ним во мнении. Он имел особенный дар, как все необыкновенные люди, убеждать и привлекать сердца. Знать его было то же, что любить. Более всего привязывало к нему его непритворное добродушие, которое при необыкновенном уме действовало на сердце, как теплота на природу...»

А вот что говорит Пушкин, познакомившийся с Грибоедовым в 1817 году:

«Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, – все в нем было необыкновенно привлекательно».

Грибоедов был привлекателен несмотря даже на то, что при своем озлобленном уме, независимом, гордом характере, доходившем порою до заносчивости, он, пренебрегая всеми стеснительными условиями светской жизни, резал всем в глаза самую горькую и резкую правду, не разбирая при этом чинов и положений. Вот что вспоминает об этом А.А. Бестужев:

«Обладая всеми светскими выгодами, Грибоедов не любил света, не любил пустых визитов или чинных обедов, ни блестящих праздников так называемого лучшего общества. узы ничтожных приличий были ему несносны потому уже, что они – узы. Он не мог и не хотел скрывать насмешки над позлащенной и самодовольною глупостью, ни презрения к низкой искренности, ни негодования при виде счастливого порока. Кровь сердца всегда играла у него в лице. Никто не похвалится его лестью; никто не дерзнет сказать, будто слышал от него неправду. Он мог сам обманываться, но обманывать – никогда. Твердость, с которою он обличал порочные привычки, несмотря на знатность особы, показалась бы иным катоновскою суровостью, даже дерзостью; но так как видно было при этом, что он хотел

только извинить, а не уколоть, то нравоучение его, если не производило исправления, по крайней мере не возбуждало и гнева».

Но не для одних только светских развлечений приехал Грибоедов в Петербург. Его влекла к себе литература, и он не замедлил завести несколько литературных знакомств. Так, кроме А.А. Шаховского, он сблизился с Катениным, Булгариным и Гречем (последние в то время пользовались еще порядочной репутацией в литературных кружках, и дружба с ними не могла казаться столь предосудительной, как впоследствии). На первых порах своего пребывания в Петербурге Грибоедов познакомился также с Николаем Ивановичем Хмельницким и Андреем Андреевичем Жандром, с которым оставался связанным узами дружбы до самой кончины. Несколько позже, в 1817 году, Грибоедов познакомился с В.К. Кюхельбекером и Пушкиным. Кюхельбекер (особенно впоследствии, на Кавказе) горячо полюбил Грибоедова и благоговел перед ним. Пушкин, как мы видели, по достоинству оценил его; тем не менее, встречаясь в обществе, они разменивались шутками, остротами, но не сходились коротко, и причина этого лежала, по всей вероятности, в том, что они принадлежали к разным лагерям.

Грибоедов стоял в стороне от того литературного течения, которое преемственно привело от сентиментализма Карамзина к романтическому пиетизму Жуковского и реализму Пушкина. Воспитанный в духе ложного классицизма и сблизившийся с такими приверженцами классицизма, как Шаховской и Катенин, Грибоедов в первые годы своей литературной деятельности заявил себя в оппозиции и к сентиментализму Карамзина, и к романтизму Жуковского, чем, конечно, и объясняется холодность, с какою отнеслись к нему Пушкин и весь его кружок.

Привезя с собой из Бреста комедию «Молодые супруги», Грибоедов увидел ее на сцене 29 сентября 1815 года, в бенефис Семенов-младшей. Комедия была разыграна удачно, и ободренный успехом Грибоедов в сотрудничестве с Шаховским, Хмельницким и Жандром перевел комедию Барта «Притворная неверность», поставленную на сцене в феврале 1817 года; 24-го же января 1818 года, в бенефис г-жи Вальберховой, была представлена комедия «Своя семья», в которой пять сцен второго действия принадлежали Грибоедову.

Одновременно с этой сценической деятельностью Грибоедов увлекся той задорной полемикой, какая существовала в журналистике того времени, определяясь не столько принципами, сколько кружковой враждою и игрой личных самолюбий. Так, друг Грибоедова Катенин, несмотря на свою приверженность к классицизму, перевел романтическую балладу Бюргера «Ленора», переделав ее в соответствии с русскими нравами: героиню назвал Ольгою, место действия из Богемии перенес под Полтаву, преобразив эпоху Семилетней войны в 1709 год. Тяжелые стихи Катенина не понравились Н.И. Гнедичу, и он, под псевдонимом «Житель Тентелевой деревни», отозвался в № 24 «Сына отечества» за 1816 год о переводе Катенина неблагоприятно. Грибоедов вступился за друга и – такова была наивность того времени – в том же «Сыне отечества», в № 30, разразился резкою антикритикой, представляющей остроумную пародию на господствовавшую в то время в нашей литературе критику, основанную на одних придириках к мелочам.

В следующем году М.Н. Загоскин, разбирая в № 15 «Северного наблюдателя» представление комедии Грибоедова «Молодые супруги», указал на несколько плохих стихов и заметил о них словами «Мизантропа»:

«Такие, граф, стихи
Против поэзии суть тяжкие грехи!»

Грибоедова задела за живое критика Загоскина, которого он очень недолюбливал, и он отвечал ядовитой сатирой под заглавием «Лубочный театр».

При всем желании автора стихи эти не были в свое время напечатаны, но Грибоедов распространил их сам во множестве списков. Возбужденные задором всей этой полемики Грибоедов и Катенин написали совместно комедию «Студент», в которой полемика перешла уже на чисто принципиальную почву. Пьеса эта, в лице студента Беневоляского, личности крайне комической, осмеивает сентиментализм, который господствовал в то время среди молодежи под влиянием повестей Карамзина и стихотворений Жуковского. Беневоляский, самой своей фамилией напоминающий Загоскина, подписывавшегося в «Северном наблюдателе» псевдонимом *Ювенал Беневоляский*, разражается тирадами, почти целиком взятыми из Карамзина, Жуковского и Батюшкова. Комедия эта вследствие прозрачных намеков на личности не могла явиться ни в печати, ни на сцене. Но нет сомнения, что в рукописи она была предъявлена врагам, против которых предназначалась, то есть членам «Арзамаса», и понятно, что обстоятельство это еще более отдалило Грибоедова от Пушкина и его друзей.

Но не следует думать, чтобы Грибоедов, примкнув к ложноклассическому лагерю, был с головы до ног ложноклассиком и питал к романтизму слепую и ожесточенную ненависть. Он принадлежал к тем гениальным умам, которые идут своей самостоятельной дорогой и бывают чужды каких бы то ни было односторонних увлечений, существующих в их время. Относясь критически ко всем учениям и лагерям, они из каждого заимствуют только то, что находят в данном учении наиболее рационального и живого, но этот выбор делает их не эклектиками, а скорее синтетиками. Так, несмотря на то, что Грибоедову претила в романтиках «Арзамаса» их приторная сентиментальность, он и к своим партизанам² – ложноклассикам – относился столь же полемически, и Р. Зотов, конечно, имел основание в своих театральных воспоминаниях заметить, что «Катенин был всегда противником в спорах Грибоедова, который держался романтизма, а Катенин был страстный фанатик французского классицизма».

Итак, тот же Грибоедов, который разыгрывал роль классика в глазах членов «Арзамаса», напротив, казался романтиком своим друзьям-классикам. Но романтизм Грибоедова имел совершенно особенный характер. Это был отнюдь не тот заимствованный из Германии и Англии романтизм, которым пробавлялись наши молодые романтики и который благодаря этой своей подражательности стоял в логическом противоречии с сущностью романтического движения в Европе, так как во всех европейских литературах романтизм представлял собою не какое-либо новое заимствование, а, напротив, возвращение к народной самобытности. Грибоедов так именно и понимал романтизм в его философской сущности.

Этим своим пониманием романтизма как стремления к народной самобытности он был обязан, конечно, особенному кружку людей, задававших уже в то время мыслями о несовершенствах общественной жизни и о необходимости серьезных преобразований. Желая заплатить дань всем веяниям своего времени, Грибоедов не мог ограничиться одними чисто литературными интересами, и в 1816 году имя его значится в списке масонской ложи «Des amis réunis» рядом с именами Чаадаева, Норова, Пестеля. В то же время сблизился он с Александром Одоевским, который, охраняя его от всяких уклонений в сторону, заменял ему Бегичева в качестве укротителя его страстных порывов.

Вот под влиянием этих-то людей он и проникся романтизмом народной самобытности, романтизмом, проявившимся в виде страсти к изучению отечественной истории, народной поэзии и русской старины и оппозиции против слепой подражательности западноевропейским образцам, в какой коснело наше общество со времен Петра. В известном монологе Чацкого на балу у Фамусова это настроение Грибоедова рельефно выражается в страстном желании:

² приверженцам партии, сторонникам, соучастникам (Словарь В. Даля).

Чтоб истребил Господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражания;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто б мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою вожжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня объявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад,
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу.

Ф. Булгарин в статье «Литературные призраки», напечатанной им в «Литературных листках» за 1824 год (ч. III, август, № XVI), выставил между прочим под именем Талантина Грибоедова и заставил его порицать одного из тех невежественных поэтов, которые воображали, что для них нет ни малейшей надобности ни в каких науках, а достаточно одного природного таланта. Доказывая такому поэту необходимость образования и учения, чтобы достигнуть чего-либо в искусстве, Талантин между прочим предлагает ему целую программу научных занятий, – и есть основание думать, что Булгарин изложил эту программу со слов самого Грибоедова. Недаром последний настолько рассердился на Булгарина за амикошонское разоблачение интимных бесед, равно как и за подобострастную лесть, которой не терпел, что разразился полным негодования письмом следующего содержания:

«Милостивый государь, Фаддей Бенедиктович, тон и содержание этого письма покажутся вам странны, что же делать?! Вы сами тому причиной. Я долго думал, не решался, наконец принял твердое намерение – объявить вам истину, *il vaut mieux tard, que jamais*.³ Признаюсь, мне самому жаль, потому что с первого дня нашего знакомства вы мне оказали столько ласковостей; хорошее мнение обо мне я в вас почитаю искренним. Но, несмотря на все это, не могу далее продолжать нашего знакомства. Лично не имею против вас ничего; знаю, что намерение ваше было чисто, когда вы меня, под именем Талантина, хвалили печатано и, конечно, не думали тем оскорбить. Но мои правила, правила благопристойности и собственное к себе уважение не позволяют мне быть предметом похвалы незаслуженной или во всяком случае слишком предускоренной. Вы меня хвалили как автора, а я именно как автор ничего не произвел истинно изящного. Не думайте, чтобы какая-нибудь внешность, мнение других людей меня побудили к прерванию с вами знакомства. Верьте, что для меня моя совесть важнее чужих пересудов; и смешно бы было мне дорожить мнением людей, когда всемерно от них удаляюсь. Я просто в несогласии сам с собою: сближаясь с вами более и более, трудно самому увериться, что ваши похвалы были мне не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выкланиваю ли я еще горсточку ладана!

Расстанемся. Я бегать от вас не буду, но коли где встретимся, то без приязни и без вражды. Мы друг друга более не знаем. Вы верно поймете, что, поступая, как я теперь, не сгоряча и по весьма долгому размышлении, не могу уже ни шагу назад отступить. Конечно, и вас чувство благородной гордости не допустит опять сойтись с человеком, который от вас отказывается. Гречу объясню это пространнее... а может быть и нет, как случится. Прощайте. Я об вас всегда буду хороших мыслей, даже почитаю долгом отзываться об вас с благодарностью. Вы обо мне думайте, как хотите. Милостивый государь, ваш всепокорнейший А. Грибоедов».

³ лучше поздно, чем никогда (*фр.*).

При всей решительности тона этого письма размолвка Грибоедова с Булгариным была непродолжительна и от нее в скором времени не осталось и следа. Во всяком случае считаем нелишним привести целиком программу Талантина, в которой, без сомнения, скрывается план научных занятий самого Грибоедова.

«Чтобы совершенно постигнуть дух русского языка, надобно читать священные и духовные книги, древние летописи, собирать народные песни и поговорки, знать несколько соплеменных славянских наречий, прочесть несколько славянских, русских, богемских и польских грамматик и рассмотреть столько же словарей; знать совершенно историю и географию своего отечества. Это *первое и необходимое условие*. После того для роскоши и богатства советую прочесть Тацита, Фукидида, если возможно – Робертсона, Юма, Гиббона и Миллера. Не худо также познакомиться с новыми путешественниками по Индии, Персии, Бразилии, Северной Америке и островам Южного океана. Это освежит ваше воображение и породит новые идеи о природе и человеке. Весьма не худо бы прочесть первоклассных отечественных и иностранных поэтов, с критическими разборами, и по крайней мере из древних – Гомера, Вергилия, Горация, Гесиода и древних трагиков. Не говорю о восточных языках, которых изучение чрезвычайно трудно и средств весьма немного. Но все не худо ознакомиться несколько с «Восточными рудниками» Гаммера («Fundgruben des Orient's») или перевернуть несколько листов в Гербелоте, в хрестоматии Сильвестра-де-Каси, в «Азиатических изысканиях калькуттского ученого общества» («Asiatic Researches») и в «Назидательных письмах о Китае» («Lettres édifiantes etc.»). Восток, неисчерпаемый для освещения пиитического воображения, тем занимательнее для русских, что мы имели с древних времен сношения с жителями оного. Советую вам иногда заглядывать в сочинения, и особенно в журналы, по части физических наук, чтоб не повторять рассказов нянюшек о естественных явлениях в природе и не принимать летучего огня за привидение».

Во исполнение этой программы Грибоедов среди литературных занятий и светских развлечений находил время заниматься греческим языком, как он об этом пишет в письме к Катенину от 19 октября 1817 года:

«Прощай, сейчас иду со двора: куда ты думаешь? Учиться по-гречески. Я от этого языка с ума схожу, каждый божий день с 12-ти до 4-х часов учусь и уже делаю большие успехи. По мне, он не труден».

Но стремление Грибоедова к самобытности отнюдь не имело славянофильского характера. Ратуя против поверхностной и слепой подражательности, он в то же время сочувствовал тем новым идеям и формам жизни, которые в то время составляли последнее слово европейской цивилизации, и лишь требовал рационально-критического, самостоятельного отношения к ним. В то же время чужд был Грибоедов и ходульного квасного патриотизма, о чем может свидетельствовать план драмы из 1812 года, уцелевший в его бумагах.

Так, в драме, в то время как народ – и между другими герой пьесы М., ополченец из крепостных, – грудью встает за отечество в рядах всеобщего ополчения без дворян, о последних говорится:

Когда слыла веселою Москва,
Они роились в ней. Палаты их
Блистают разноцветными огнями...
Теперь, когда у стен ее враги,
Бесчастные⁴ рассыпались дети,
Напрасно ждет защитников; сыны,
Как ласточки, вспорхнули с теплых гнезд

⁴ Бесчастный – тот, кому нет части, доли, удела (Словарь В. Даля).

И предали их бурям в расхищенье...

Наполеон в Кремле размышляет «о юном первообразном сем народе, об особенностях его одежды, знаний, веры, нравов: *«Сам себе преданный, что бы он мог произвести?»*»

В эпилоге М., несмотря на все свои бранные подвиги, терпит пренебрежение начальников и отпускается восвояси с отеческими наставлениями в покорности и послушании.

В последней картине эпилога должны были изображаться село или развалины Москвы. «Прежние мерзости. М. возвращается под палку господина, который хочет ему сбрить бороду. Отчаяние и самоубийство».

В то же время патриотизм Грибоедова имел чисто народнический характер негодования и сетования на ту отчужденность, которая замечалась между интеллигенцией и низшим классом и которая делала их словно двумя различными народностями.

Так, гуляя однажды с приятелями в Парголове в Шуваловском парке, он набрел на толпу крестьянских девушек и парней, распевавших народные песни... «Прислонясь к дереву, – рассказывает он в отрывке оставшегося в его бумагах чернового письма, неизвестно кому адресованного, – я с голосистых певцов невольно перевел свои глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот поврежденный класс полугеропейцев, к которому и я принадлежу. Им казалось дико все, что они слышали, что видели: их сердцам эти звуки невняты, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше собратство, становятся выше нас, делаются нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами – и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он конечно бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами».

А вот что по поводу народолюбия Грибоедова говорит Булгарин:

«А. С. Грибоедов любил простой народ и находил особенное удовольствие в обществе образованных молодых людей, не испорченных еще искомодованием и светскими приличиями. Любил он ходить и в церковь. „Любезный друг! – говорил он. – Только в храмах божиих собираются русские люди; думают и молятся по-русски. В русской церкви я – в отечестве, в России! Меня приводит в умиление мысль, что те же молитвы читаны были при Владимире, Дмитрие Донском, Мономахе, в Киеве, Новгороде, Москве; что то же пение одушевляло набожные души. Мы – русские только в церкви, а я хочу быть русским“».

Все это показывает нам, как серьезны были мысли Грибоедова среди светских дурачеств, закулисных приключений и вздорной кружковой полемики. Нет ничего удивительного, что в этом настроении, не довольствуясь переводными комедиями, он снова принялся за обработку своего кровного труда – той комедии, которая обессмертила его имя. В 1816 году, по свидетельству Бегичева, у него было уже набросано несколько сцен «Горя от ума», которые он показывал друзьям. От этих набросков ничего не сохранилось. В общих чертах план пьесы был сходен с планами ее позднейшей редакции, но роль Чацкого была еще далеко не выяснена. Репетилов не значился в числе действующих лиц, зато присутствовало несколько лишних персонажей (например, жена Фамусова, сентиментальная модница и аристократка), которые впоследствии были исключены из комедии.

В бумагах Грибоедова найден был черновой набросок, в котором он пишет: «Первое начертание этой сценической поэмы, как оно развилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь, в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание, сколько можно было... Такова судьба всякого, кто пишет для сцены: Расин и Шекспир подверглись той же участи: так мне ли роптать?»

Подразумевал ли Грибоедов под «первым начертанием» своей сценической поэмы именно работу над ней 1816 года, об этом мы не имеем никаких сведений.

Глава III

Участие в дуэли Шереметева с графом Завадовским. – Определение переводчиком в персидскую миссию. – Путешествие из Петербурга в Тифлис. – Дуэль с Якубовичем. – Путешествие из Тифлиса в Тегеран и далее в Тавриз. – Служебная деятельность Грибоедова. – Жизнь в Тавризе. – Вновь работа над комедией «Горе от ума»

Но не более трех лет наслаждался Грибоедов независимую, привольною и вместе с тем полною захватывающих умственных интересов жизнью в Петербурге. Родные не могли оставить его в покое, особенно когда до них начали доходить слухи о его светских и закулисных похождениях. Не иначе как по их настоянию пришлось ему, едва получив отставку от военной службы, перейти на штатскую, и 9 июня 1817 года он был определен в ведомство Коллегии иностранных дел переводчиком. Затем, в конце того же года, Грибоедову пришлось принять участие в дуэли, которая сильно отразилась на его общественном положении и повлияла на его удаление из Петербурга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.